

Евгения Джэн Баранова

Цветные семена

* * *

Слова текут, как очередь в музей.
Возьми билет, на статуи глазей.
Нашупай шаг, привыкни, пристыдись.
Не жалуйся зрителю *на жисть*.
По леднику ступай, по леднику.
Посверкивая ножичком в боку.
Поигрывая в салочки с людьми.
Слова растут — ты с ложечки корми.
Молчанием, болезнью, суетой,
бескормицей и комнатой пустой.
И завистью без толку/без вины.
Слова не для тебя тебе даны.

* * *

Что будет, если я тебе скажу,
мол, катится сентябрь по этажу,
в капрон скрывая ласточки лодыжек?
Тепло уходит, мало ли нам бед,
зато приходит маленький сосед,
раскутывает маленькие лыжи.

Консьержка заменяет сухостой
на астры, в их строении простом
присутствует желание пробиться.
А я, скорее, бархатец. В дожди
я погибаю с легкостью в груди
подобно миллионам чернобривцев.

Отставить меланхолию зовут
день города, день выборов, салют.
Оставим их для грусти разрешённой.
Что будет, если я тебе солгу,
мол, солнце не останется в долгу
и вытеплит ложбинку для влюблённых?

Евгения Джэн Баранова — родилась в 1987 году в Херсоне. Окончила СевНТУ в 2011 году. Публиковалась в журналах «Дружба народов», «Номо Легенс», «Юность» и др. Автор книги стихов «Рыбное место» (СПб., 2017). Лауреат литературного конкурса «Эмигрантская лира» (2017, 2018). Участница арт-группы #белкавкедах. Жила в Крыму, сейчас — в Москве.

Пещера Мангун-Кале

Где стряхивает лес учётчик-воробей,
где мечутся холмы, а под холмами — мамонт,
где уходили сны, где падалось темней,
где спорила роса с тесёмками вьетнамок,

где каменным столбом, приклеенным к спине,
проржавленный июнь пытал феоdorитов,
где люди из Москвы, невинные вполне,
дремали на груди невидимых убитых,

где тихий караван небесных верблюжат
соскальзывал во тьму и двигался в потёмках,
меня там больше нет. И некому сажать
цветные семена.

* * *

Когда был маленьким,
то всё казалось длинным.
Фонарь, линейка, мусоропровод.
Теперь всё коротко:
летит июль пчелиный,
колючий март царапает живот.

Сиди себя тихохонько да слушай,
как пух пылинки городу сдаёт.
Когда был маленьким,
хотелось лампу-грушу.
Теперь не хочется,
теперь не до неё.

Ни вафельки, ни жареного хлеба,
ни белого мороженого литр.
Когда был маленьким...
А разве я им не был?
А разве я с ошибкой не делил?

Ни контурная карта Ленинграда,
ни Майн, ни Рид, ни Витя Коробков
не помогают выжившим пиратам,
хозяевам цветных грузовиков.

* * *

Она произносит: лес.

Сергей Шестаков

Он произносит, и происходит шум.
Цапелька-искра роется в облаках.
Капли туристов перетекают в ГУМ.
Лобного места вспыхивает рукав.

Он произносит, и наступает жар.
Влажными пальцами не оставляя след,
сны собирает — или приносит в дар
чабер, лаванду, клевер и бересклет.

Он произносит, и вызревает день.
Это ведь просто — дни пришивать ко дням.
Выгладить реку, пересадить сирень,
клипсы акаций в мелкий ручей ронять.

Он понимает, мало в тебе огня.
Ходишь вдоль клетки, разыскиваешь ключи.
Вдруг выдыхаешь: «Отче, помилуй мя»,
но никакого звука не различить.